

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Деньги дают им
возможность иметь все.
И в то же время
превращают в людей,
которым неведомы
радость познания,
удовольствие
творчества, мечты о
будущем.*

Чингиз Абдуллаев

Крах
лицедея

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Крах лицедея

«PEN-клуб»

2002

Абдуллаев Ч. А.

Крах лицедея / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2002 — (Дронго)

Международный преступник Петр Дудник скрывается от правосудия где-то в Европе. За ним тянется такой кровавый след, что его ищут лучшие сыщики Интерпола. Да не могут найти. Дудник сменил фамилию, сделал пластическую операцию на лице и даже изменил отпечатки пальцев. Ни один человек в мире не знает, как он выглядит на самом деле. Чтобы его найти, нужен суперпрофессионал, который имеет нестандартное мышление, обладает идеальной интуицией и применяет свои собственные методы работы. И такой человек есть. Это частный сыщик Дронго. Только он один сможет вычислить преступника среди тысячи посетителей Международного конгресса ювелиров...

© Абдуллаев Ч. А., 2002

© PEN-клуб, 2002

Содержание

Вместо вступления	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чингиз Абдуллаев

Крах лицедея

Сначала ложь развращает того, кто ею пользуется, и лишь затем губит того, против кого она направлена.

Ромен Роллан

Вместо вступления

Новое здание Интерпола на окраине Лиона издалека напоминало стеклянную клетку, казалось, просматриваемую со всех сторон. Но если прохожий подходил ближе, то замечал огороженную забором территорию, мрачных полицейских, дежуривших у входа, и затененные стекла окон, защищавшие от любопытствующих взглядов. Здесь находился центр Интерпола, куда стекалась информация обо всех самых известных преступниках мира. Сидевший за компьютером человек средних лет поправил очки, внимательно вчитываясь в сообщение, переданное из Румынии. Затем еще раз уточнил по внутреннему коду, кому именно оно адресовано, и распечатал его. Сложив вместе несколько листов, выданных принтером, он покинул свою комнату и отправился на третий этаж.

Пройдя по коридору третьего этажа, он вошел в кабинет руководителя отдела. Тот работал за столом, изучая документы.

– Пришел ответ из Бухареста, – доложил сотрудник, показывая бумаги. – Румыны подтверждают нашу информацию – Маноло Пиньеро сумел уйти от наблюдения. Мы разослали сообщения об этом по всем соседним с Румынией странам, но там считают, что этот аферист мог сбежать дальше в Европу или в США.

– А мог и в Аргентину или в ЮАР, – мрачно заметил начальник отдела. – Они не предполагают, где именно он может появиться?

– Считают, что с большей долей вероятности он снова окажется в Европе.

– Почему в Европе?

– Он интересовался конференцией ювелиров, которая должна пройти в отеле «Мелиа Санкти Петри» в Чиклане. Это на юге Испании.

– Думаете, это возможно?

– Не знаю. С одной стороны, он очень опытный человек и должен понимать, что мы будем ждать его именно там. Но с другой – он авантюрист по натуре. Способен выкинуть все что угодно.

– Подготовьте его полное досье. И уточните еще раз, где может находиться Пиньеро. Что, если он прячется где-нибудь в Каракасе, а мы начнем его поиски в Испании? Проверьте все возможные адреса.

– Мы сообщили данные о Пиньеро во все региональные бюро. Настоящая его фамилия – Дудник. Петр Дудник. Он из Молдавии, родился в Кишиневе в пятьдесят седьмом. Имел четыре судимости, еще в Советском Союзе. В основном за мошенничество и частнопредпринимательскую деятельность – у них тогда была такая уголовная статья. Потом провел несколько крупных афер в Румынии, Болгарии, Турции. Эмигрировал в Латинскую Америку, жил некоторое время в Венесуэле, Колумбии. Снова вернулся в Румынию. Организовал международный банк, присвоил деньги и скрылся. Его сообщники убили вице-президента банка. Теперь Пиньеро-Дудника ищут еще и по обвинению в убийстве. У нас есть сведения о его причастности к ряду убийств и в Венесуэле – из Каракаса пришло подтверждение, что он сбежал из страны.

– И вновь вернуться в Латинскую Америку он не решится? – уточнил начальник отдела.

– Там уверены, что Пиньеро покинул Венесуэлу навсегда, – сотрудник снова поправил очки. – Теперь у этого вора-международника на счету несколько убийств, и поэтому он скорее даст себя схватить в Европе, чем где-нибудь еще. В Европе уже много лет нет смертной казни, а в США или в Латинской Америке его ждет перспектива получить электрический стул.

– Для него такой довод может показаться не слишком убедительным. Нужно проверить все заново. И тогда будем решать, где нам его ждать и что необходимо предпринять, чтобы снова посадить этого опасного негодяя в тюрьму.

– Были также сведения, что он сделал пластическую операцию в одной из клиник Бразилии.

– Только этого не хватало. У нас есть его отпечатки пальцев?

– Конечно. Он не мог изменить отпечатки.

– И рост, – напомнил начальник отдела, – какой у него рост?

– Сто семьдесят восемь сантиметров.

– Вот и ориентируйтесь на этот рост. Дудника надо найти. Иной раз, когда я вспоминаю про этого типа, то думаю, что в Европе слишком рано отменили смертную казнь, – проворчал напоследок начальник отдела.

Глава 1

Скоростной экспресс «АВЕ» курсирует по маршруту Мадрид – Севилья. Это не просто один из лучших экспрессов в Испании – он самый скоростной и самый комфортабельный на Пиренейском полуострове. И расстояние, которое обычный поезд проходит за полдня, экспресс «АВЕ» преодолевает менее чем за три часа.

В вагоне первого класса любезные стюарды разносили на подносах еду. В привычный набор входила обязательная бутылочка оливкового масла. Один из пассажиров взял бутылочку в руки и стал с улыбкой ее рассматривать. Сидевший напротив мужчина лет пятидесяти, с седой, но еще густой шевелюрой, одетый в светлый пиджак и темно-синие брюки, понимающе кивнул.

– В нашей стране принято есть все с оливковым маслом, – пояснил он. – Наверное, как и у вас? Вы ведь сами из Италии?

– Нет, – улыбнулся его собеседник, – но меня часто принимают за итальянца.

На вид собеседнику было лет сорок. Это был мужчина высокого роста, с живым, подвижным лицом и умным, проницательным взглядом темных глаз. На нем был светло-серый в тонкую полоску льняной костюм. Отложив бутылочку, он спросил у незнакомца:

– Вы едете в Севилью?

– Да, – ответил тот, – но я пересяду в Севилье на другой поезд, отходящий в Кадис. Меня ждут в Чиклане. Может быть, вы слышали о таком месте? Это на берегу океана.

– Вы не поверите, но я тоже направляюсь в Чиклану. Там ведь состоится презентация новых работ Пабло Карраско.

– А вы ювелир? – обрадовался седовласый.

– Не совсем. Я частный детектив. Позвольте представиться – обычно меня называют Дронго.

– Очень приятно, мистер Дронго. А я Энрико Галиндо, ювелир из Барселоны. Я еду в Чиклану по приглашению самого сеньора Карраско.

– Вы с ним знакомы?

– Лично не знаком. Но членам ассоциации испанских ювелиров прекрасно известны заслуги сеньора Карраско. Он ведь почетный президент нашей ассоциации и один из самых знаменитых ювелиров Европы. Вы бывали раньше в Чиклане?

– Нет, не бывал. Говорят, отель, в котором будет проходить презентация, расположен на берегу океана, рядом с поселком Нуово Санкти Петри.

– Верно. Прямо у океана. Этот отель уже превратился в легенду, хотя ему только три года. Его величество Хуан Карлос, король Испании, лично присутствовал на его открытии. И поверьте мне, отель этого достоин. Туда приедут самые известные ювелиры со всего мира. И конечно, самые известные преступники. Как это обычно бывает: где мед, там и пчелы. – Галиндо рассмеялся, поправляя свои красивые волосы. – Наверное, детективам там тоже работа найдется.

– Надеюсь, что нет, – запротестовал его собеседник, – хотя, возможно, вы правы. О презентации новой коллекции сеньора Карраско сообщили все ведущие информационные агентства мира, об этом написано во многих газетах. И вполне вероятно, что кому-то из преступников захочется самому побывать в этом отеле.

– Вы хорошо говорите по-английски. Вы американец?

– Нет. Я прилетел из Москвы.

– Как интересно, – обрадовался сеньор Галиндо, – вы впервые в Испании?

– Нет. Я бывал несколько раз в вашей прекрасной стране.

Мимо собеседников прошла блондинка в светло-зеленом брючном костюме. Более темного оттенка шарфик был небрежно повязан вокруг шеи. Молодая, лет тридцати, с коротко стриженными волосами и тонким лицом, на котором выделялись полные чувственные губы и карие глаза. Она взглянула на мужчин, задержав свой взгляд на каждом из них чуть дольше обычного, и проследовала дальше.

– Какая женщина, – восхитился сеньор Галиндо, – на вокзале я случайно слышал, как кто-то из провожавших, обращаясь к ней, назвал ее сеньорой Петковой. Она тоже едет в Чиклану. Наверное, она славянка – болгарка или украинка.

– С чего вы взяли?

– Слышал ее разговор с провожающим. Они говорили по-славянски, но я не знаю, на каком именно языке. Впрочем, какое это имеет значение? Она красивая женщина, а это интернациональное достояние.

– Может, она тоже известный ювелир?

– Нет, – рассмеялся Галиндо, – всех мастеров ювелирного искусства мы знаем. Их можно пересчитать по пальцам. Это ведь как искусство высокой моды. Особое искусство, сеньор Дронго. И в Чиклане будет не так много гостей. Всего несколько ювелиров, чьи имена известны во всем мире.

Первую и единственную остановку экспресс должен был сделать в Кордове. Оба собеседника смотрели в окно на проносившиеся мимо поля центральной части Пиренейского полуострова – на пути от Мадрида до Кордовы не было никаких крупных городов.

Когда молодая женщина возвращалась к своему месту, она снова выразительно взглянула на Дронго. Галиндо усмехнулся.

– Кажется, вы ей понравились, – отметил он.

В Севилью они прибыли точно по расписанию. Новый вокзал, построенный к Всемирной выставке девяносто второго года, встретил их непривычной тишиной. В дневное время пассажиров на платформах почти не бывало. Все предпочитали укрываться в прохладной тени верхних этажей, спускаясь вниз лишь перед самым отправлением поезда. До отхода курсировавшего между Севильей и Кадисом состава оставалось еще несколько минут. Сеньор Галиндо вынес на платформу свой чемодан и большую сумку, с которой не расставался. У его спутника, очевидно, вещей было немного – они все поместились в одном чемодане. Сеньора Петкова, воспользовавшись услугами носильщиков, поднялась в лифте наверх. У нее с собой было два чемодана и большая дорожная сумка.

Через двадцать минут, когда местный экспресс Севилья – Кадис подошел к платформе, двое мужчин, терпеливо ожидавших поезда, первыми сели в вагон, положив свои чемоданы в специальное отделение. Почти сразу следом за ними в вагон внесли багаж Петковой. Носильщик сложил чемоданы, получил чаевые и, поблагодарив сеньору, удалился. Женщина поднялась в вагон и огляделась. Пассажиры, торопившиеся в Кадис, уже повсюду занимали свободные сиденья – в билетах на пригородные поезда конкретные места не указывались. Рядом с Дронго и сеньором Галиндо было два свободных кресла. Секунду поколебавшись, женщина решительно направилась к ним.

– Простите, – сказала она по-испански, обращаясь сразу к обоим, – здесь свободно?

Сеньор Галиндо любезно улыбнулся.

– Садитесь, прошу вас, – указал он место напротив себя, – мы, кажется, вместе ехали до Севильи.

– Да, – улыбнулась женщина, – я заметила вас в поезде. – Она устроилась в кресле. Легкий аромат ее цветочного парфюма окутал окружающее пространство. – Трудно было не заметить двух столь элегантных мужчин.

Дронго молча смотрел на сидевшую перед ним молодую блондинку. У нее были красивые, немного раскосые глаза.

– Вы ведь едете в Чиклану? – уточнил сеньор Галиндо.

– Откуда вы знаете? – удивилась женщина. Она даже немного смутилась, опасливо взглянув на пассажиров.

– Я слышал, когда вас провожали на вокзале, – пояснил ювелир. – Вы говорили по-русски?

– Нет, – улыбнулась она, – по-болгарски. Вы правы, меня действительно провожали на вокзале – это был мой брат. А ваш спутник всегда молчит? Или он не разговаривает с незнакомыми женщинами?

– Простите, сеньора, – ответил Галиндо, – но мой сосед, кажется, не знает испанского языка. Он приехал из Москвы. Но говорит по-английски.

– Извините, – сеньора Петкова взглянула на Дронго, – я не знала, что вы не говорите по-испански, – обратилась она к нему по-английски.

– Надеюсь, это мой единственный недостаток, – пошутил в ответ Дронго.

– Вы тоже едете в Чиклану? – спросила она.

– Отель «Мелиа Санкти Петри», – кивнул он, улыбаясь, – мой напарник говорит, что это лучший отель на всем побережье Коста де ла Луз.

– Мне тоже так говорили. Я Ирина Петкова, из Софии.

– Очень приятно. Меня обычно называют Дронго. Просто мистер Дронго. А это сеньор Энрико Галиндо, ювелир из Барселоны.

– Значит, мы все едем в одно место! – радостно воскликнула она. – Неужели вы тот самый знаменитый Дронго? Я много слышала о всемирно известном детективе с таким необычным именем.

– Я всего лишь эксперт-аналитик, и не более того. Частный детектив.

– Понятно, – она улыбнулась, – и вы, очевидно, хотите побывать на презентации новой коллекции сеньора Карраско?

– Вы знаете сеньора Карраско? – удивился Галиндо.

– Кто не слышал фамилии такого известного ювелира?! У него магазины по всей Испании.

– Не только, – сообщил Галиндо. – Его магазины открыты также в Лондоне, Милане, Нью-Йорке, словом – он по всему миру представляет наше искусство, наши традиции.

– Прекрасно, – она развязала шарф и положила его рядом с собой, – значит, я познакомилась с очень интересными и нужными людьми.

– Почему нужными? – поинтересовался Дронго.

– Ну как же! Ювелир, который может все рассказать о предстоящей презентации, и частный детектив, который наверняка будет занят своим непосредственным делом и знает массу любопытных фактов. Сама судьба послала вас мне.

– Вы журналист? – нахмурился Галиндо. По-видимому, он не жаловал представителей этой профессии.

– Нет, – улыбнулась Петкова, – совсем нет. А вы, похоже, не любите журналистов, сеньор Галиндо? Я собираюсь открыть свой магазин в Софии, – продолжила она. – Магазин фарфоровых статуэток Лардо и различных сувениров. Такой есть в мадридском «Палас-отеле». Может, вы его видели?

– Извините меня, сеньора, – смутился Галиндо, – конечно, видел. У вас прекрасный вкус! А журналистов я действительно не люблю. Они не всегда честно добывают свои материалы, не брезгают любой информацией, да и подать ее могут по заказу – и так, и эдак. Они способны напрочь уничтожить репутацию человека. Или создать ее заново из ничего.

– Я вас понимаю, – кивнула она.

Галиндо взглянул в окно. По мере продвижения к югу становилось все теплее. Судя по всему, ближе к океану будет совсем жарко. Извинившись, ювелир снял пиджак и повесил его

на вешалку. Дронго последовал его примеру. Оба остались в рубашках с короткими рукавами: Дронго – в белой, под цвет костюма, а ювелир – в темно-синей.

– Я думал, что в октябре в Андалусии бывает прохладней, – признался Дронго.

– Здесь даже в декабре случается жара, – улыбнулся ювелир, – сразу видно, что вы не бывали в этих местах.

– Не бывал, – подтвердил Дронго.

В этот момент мимо них прошел молодой человек приятной наружности. Увидев его, Галиндо вздрогнул. Приподнявшись с кресла, он обернулся и посмотрел вслед удаляющейся фигуре. Плюхнувшись обратно, растерянно произнес:

– Не может быть...

Дронго и женщина с интересом взглянули на своего спутника. Тот был не просто растерян, а скорее огорчен, ошарашен, смущен. И не собирался этого скрывать. Он поднялся и еще раз посмотрел на молодого человека, прошедшего в конец вагона. Незнакомцу, на которого смотрел Галиндо, было лет двадцать пять. Карие глаза, волнистые каштановые волосы, правильные черты лица: красиво изогнутые брови, тонкие губы, ровный прямой нос. Он был одет в светлую легкую куртку, голубые джинсы и темную тенниску. Ювелир тяжело вздохнул:

– Он тоже едет в Чиклану, а ведь ему нельзя там появляться...

– Кто это? – поинтересовался Дронго.

– Антонио Виллари, – неожиданно назвала имя молодого человека Ирина Петкова. – Я видела его фотографии в журналах. Кажется, он друг сеньора Пабло Карраско.

– Вы тоже об этом знаете? – печально спросил Галиндо.

– Об этом знает вся Испания, – ответила она, отвернувшись к окну.

– Как вы сказали? – переспросил Дронго. – Близкий друг сеньора Карраско?

Энрико Галиндо еще раз тяжело вздохнул. Петкова посмотрела на Дронго и пожала плечами.

– Слишком близкий, – ответила она, пристально глядя ему в глаза. – Я думала, что вы знаете. Об этом знают все.

– О чем? – не понял Дронго в очередной раз. Он недоуменно смотрел на своих собеседников, ожидая объяснений.

– Они очень близкие друзья уже несколько лет, – подчеркивая каждое слово, произнесла Петкова, – но мне кажется, что сеньор Галиндо осведомлен гораздо лучше меня.

– Я видел его несколько раз, – продолжил тему Галиндо, – признаюсь, что для меня это загадка. Как мог такой человек, как Пабло Карраско, связаться с этим мальчишкой! Не понимаю...

Дронго усмехнулся.

– Что они сделали? Ограбили другого ювелира? – пошутил он.

– Нет, конечно, – вздохнул Галиндо. И вновь повторил: – Ему нельзя появляться в Чиклане! Разумеется, личная жизнь – это частное дело каждого, но некоторые таблоиды уже сообщали о нетрадиционной сексуальной ориентации сеньора Карраско...

Ювелир продолжал вздыхать. С одной стороны, он действительно не хотел, чтобы появление молодого человека в Чиклане вызвало скандал. А с другой – ему было приятно рассказывать незнакомцам о тайных пороках кумира, который, оказывается, не был совершенством.

– Об этом знает вся Испания, – повторил он слова Петковой. – Но все делают вид, что ничего не происходит. Дело в том, что супруга сеньора Карраско из очень известной аристократической семьи. Сейчас она тяжело больна. Врачи полагают, что ей осталось жить не больше года. Понятно, что в таких условиях сеньор Карраско не решается обнародовать имя своего друга, с которым в последнее время он вместе живет. В Испании нравы несколько отличаются от всей остальной Европы. Здесь не столь либерально относятся к подобным проявлениям человеческих страстей. К тому же у него большая семья: две дочери, внуки. Если его связь

с Антонио Виллари перестанет быть тайной для семьи – это может просто убить его жену, повлиять на отношения с дочерьми и в конце концов отразиться на бизнесе. В Испании не станут покупать бриллианты у ювелира, виновного в смерти собственной жены. Он об этом прекрасно знает.

– Понятно, – Дронго задумчиво потер подбородок, – значит, этот молодой человек направляется к своему другу Пабло Карраско?

– Вот именно, – кивнул Галиндо, – и это очень неприятно. Следовало бы предупредить сеньора Карраско о его прибытии. Возможно, он примет меры, чтобы не пустить Антонио в отель.

– В чужие дела лучше не вмешиваться, – заметил Дронго, – а что, если он сам вызвал своего друга на презентацию? Такую версию вы исключаете?

Галиндо посмотрел на Дронго и недоуменно пожал плечами. Затем перевел взгляд на Ирину Петкову.

– Может оказаться, что сеньор Дронго прав, – подтвердила молодая женщина, – лучше не вмешиваться.

Галиндо в очередной раз привстал, оглянулся и вновь уселся на свое место, недовольно бормоча что-то себе под нос. Больше на эту тему не было сказано ни слова. Петкова начала с восхищением вспоминать о Гранаде, где побывала в прошлом году, и разговор плавно переключился на местные достопримечательности. Минут через двадцать Дронго поднялся и направился за минеральной водой к буфетчику, стоявшему со своей тележкой в конце вагона. Купив три бутылки – для себя и своих спутников, – Дронго на обратном пути еще раз внимательно оглядел Антонио Виллари, сидевшего с мрачным видом. Затем вернулся на свое место, и попутчики беседовали еще около часа, пока, наконец, поезд не остановился на небольшой станции в Кадисе, южной точке Пиренейского полуострова.

Стоянка такси находилась прямо напротив платформ, через дорогу. Мужчины галантно помогли даме справиться с ее чемоданами. Здесь не было носильщиков, но у здания станции стояли тележки. Втроем вместе со всеми своими вещами в одно такси они поместиться не могли и взяли еще одну машину. Кто-то из мужчин должен был поехать с дамой, чтобы не оставлять ее одну. Но Ирина Петкова предложила другой выход: все трое уселись в первое такси, а чемоданы и сумки сложили во второй автомобиль. И обе машины отправились в сторону Чикланы, чтобы, обогнув городок, добраться до Нуово Санкти Петри, где находился отель «Мелиа». Галиндо вертел головой во все стороны, но так и не увидел Антонио. Очевидно, тот в числе пассажиров, первыми покинувших вагоны, уехал на автобусе, который отходил от вокзала через минуту после прибытия поезда.

Коста де ла Луз считалась неосвоенной территорией, и новые курорты начали появляться здесь только в конце девяностых. По другую сторону от Гибралтарского пролива, у побережья Коста дель Соль, уже много лет работала целая индустрия фешенебельных гостиниц и роскошных дворцов для состоятельных европейцев, американцев и, конечно, арабских шейхов, так любивших приезжать сюда на отдых. «Золотой милей» называли прибрежную полосу Средиземного моря от Малаги до Марбельи и Эстепоны.

Однако в последние несколько лет побережье Атлантики, именуемое Коста де ла Луз, начало застраиваться более интенсивно и вскоре уже могло конкурировать с лучшими курортами Европы. Вдоль берега океана возводились современные здания отелей, устраивались большие зеленые площадки для любителей гольфа, возникали целые поселки из благоустроенных коттеджей. Коста де ла Луз пока еще не был столь часто посещаемым, как другие курорты Испании. Но становилось все очевиднее, что со временем соперничество будет решено в пользу более молодого и более амбициозного проекта, популярность которого возрастала с каждым годом.

Обе машины подъехали к отелю «Мелиа» почти одновременно. По правую сторону от дороги находились роскошные четырехзвездочные «Иберостар Андалузия Плайя» и «Иберостар Ройял Андалуз». Их бело-розовые фасады в типично андалузском стиле выглядели из-за пальм, которые во множестве росли здесь повсюду.

«Мелиа Санкти Петри» был не просто пятизвездочным отелем, он относился к категории люкс. Занимаемое им пространство делилось на два внутренних дворика. Первый начинался сразу от входа. Здесь были расположены два ресторана, ночной бар, магазины сувениров. Несколько небольших фонтанов служили украшением дворика и дарили прохладу отдыхающим.

Второй внутренний двор был гораздо больше первого. С трех сторон его окружали жилые помещения, выстроенные в виде крепостной стены с высокими башнями по углам. В этом дворе находились два больших бассейна, которые были соединены третьим, предназначенным для детей. От двора к океану по гребню отвесной скалы была проложена дорожка из тяжелых деревянных панелей, которые в виде ступенек плавно спускались до самого пляжа. Край дорожки справа и слева круто обрывались, уходя далеко вниз к берегу.

Пляж, располагавшийся у самой кромки воды, принадлежал отелю. Все проживающие могли получить здесь лежаки, тенты, полотенца и прохладительные напитки.

Еще один бар обслуживал отдыхающих у бассейнов – здесь гости также заказывали напитки, не вставая с лежаков или кресел, расставленных у воды. И наконец, в галерее, разделяющей внутренние дворы, был устроен третий ресторан.

Одним словом, архитектура и сервис отеля были продуманы до мелочей. Тех, кто захотел бы остановиться в этом прекрасном дворце, ожидал отдых с таким комфортом, какой только можно себе вообразить.

Еще два обстоятельства привлекали сюда гостей со всего мира. В отеле побывал король Испании, специально приехавший на церемонию его открытия в девяносто восьмом году, о чем свидетельствовали висевшие в холле памятная табличка и фотография Хуана Карлоса. Другой и, возможно, самой главной причиной все возрастающей популярности отеля стала его кухня. Сюда были приглашены лучшие испанские повара из Севильи и Кадиса. До семидесяти разнообразных национальных и экзотических блюд ежедневно составляли меню шведского стола, который устраивали в зале самого большого ресторана для желающих самостоятельно выбрать себе завтрак, обед или ужин.

Прибывших гостей встретил портье. Ирина Петкова получила двести одиннадцатый номер на втором этаже, а сеньор Галиндо и сеньор Дронго соответственно триста пятьдесят пятый и триста пятьдесят седьмой. Их номера, расположенные на третьем этаже в правом крыле здания, оказались рядом. Однако из-за того, что внутренние помещения всех номеров были достаточно просторными, двери их находились на значительном удалении друг от друга.

Дронго вошел в свой номер, прикрыл дверь и в ожидании, пока поднимут его чемодан, вышел на балкон. Отсюда открывался восхитительный вид на внутренний двор и расположенный дальше внизу океан. При желании можно было разглядеть даже мыс Трафальгар, где эскадра адмирала Нельсона разбила объединенный испано-французский флот, остановив возможное нашествие Наполеона на Англию. «Красиво», – отметил про себя Дронго, осмотрев все и возвращаясь в комнату.

Сеньор Галиндо, проходя к себе, немного замешкался. С порога своего номера он сначала внимательно осмотрел комнату. Здесь, кроме стандартных телевизора и мини-бара, находилась также стереосистема с набором лазерных дисков. На столике стояли цветы и корзина с фруктами – они были присланы ему, как участнику предстоящей презентации. Галиндо тоже вышел на балкон, примыкавший к балкону номера Дронго, и взглянул на бассейн, где купались и загорали гости отеля. Он улыбнулся.

Никто в мире еще не знал, что уже завтра одного из гостей не будет в живых. А затем начнутся события, которые хотя и сотворят для отеля новую легенду, вряд ли дадут основания этой легендой гордиться так же, как превосходной кухней или королевским покровительством.

Глава 2

Утренний завтрак собрал почти всех проживающих. С утра здесь царила достаточно демократичная атмосфера, и большинство гостей были в майках и шортах. Несмотря на высокий класс отеля, выходить к завтраку как-то по-особому одетым было необязательно. Вечером же обстановка кардинально менялась, и гости переодевались в вечерние платья и костюмы. При этом многие, в особенности женщины, старались не появляться дважды в одном и том же наряде. Менять их ежедневно они могли себе позволить, поскольку чаще всего оставались в отеле не больше одной или двух недель – у деловых людей обычно не бывает времени на многодневный отдых.

Сеньор Галиндо вышел к завтраку уже к восьми часам утра, хотя мог бы и к десяти. В Испании, как и в других жарких странах, принято засыпать поздно, используя спасительную прохладу ночи для развлечений и общения друг с другом. У входа в зал ресторана Галиндо увидел пожилого суховатого мужчину небольшого роста.

– Здравствуйте, сеньор Карраско, – приветствовал его Галиндо, подходя ближе, – я рад вас встретить.

– Вы, очевидно, сеньор Галиндо, – вспомнил своего гостя президент ассоциации ювелиров, – мне тоже приятно, что вы приняли мое приглашение. Вчера приехали почти все наши гости. Говорят, что презентацию намерены посетить и кое-кто из членов королевской фамилии и представителей правительства.

– Прекрасно! – воскликнул Галиндо. – Вы великий мастер, сеньор Карраско, – закончил он несколько более унылым тоном.

В профессиональной среде зависть была обычным явлением. Многие ювелиры Испании считали Карраско везунчиком, сумевшим сделать себе имя на сотрудничестве с топ-моделями. Он бесплатно одалживал им свои драгоценности, но при этом ставил жесткое условие об их рекламе. Естественно, никто из моделей не мог отказаться от такого обмена. Этот же метод Карраско применял и в отношениях со звездами шоу-бизнеса.

Очень скоро его изделия завоевали популярность, и многие европейские звезды уже считали для себя нормой заказывать драгоценности именно у Карраско.

В зале появился Дронго. Он сразу прошел к шведскому столу – выбрать что-нибудь себе на завтрак. Наполнив тарелку, он повернулся и осмотрел зал в поисках свободного места.

– Идите к нам, – сеньор Галиндо помахал ему рукой, и Дронго подошел к их столику. Галиндо представил своего попутчика сеньору Карраско, упомянув, что мистер Дронго – частный детектив.

– Понятно, – усмехнулся Карраско, – ведь здесь сегодня будет столько знаменитостей... Вы приехали по приглашению руководства отеля или вас пригласил кто-то из наших друзей?

– Позвольте мне не отвечать на ваш вопрос, – дипломатично ответил Дронго.

– Конечно, – согласился Карраско, – вы абсолютно правы. У детективов свои секреты, у ювелиров свои. Извините, кажется, пришел мистер Рочберг. Я вас оставляю на минуту.

Карраско поднялся и поспешил навстречу входившему в зал полному мужчине с рыжей, уже заметно поредевшей шевелюрой. Живот нависал над его шортами, почти скрывая ремень. Он был в белых носках и кроссовках. Увидев Карраско, он дружелюбно кивнул и протянул ему руку.

– Кто это? – спросил Дронго.

– Исаак Рочберг, собственной персоной, – криво усмехнулся Галиндо, – самый известный ювелир в Америке. Приехал специально, чтобы посмотреть новые работы Карраско. Они знакомы уже много лет.

Следом за Рочбергом в ресторан вошел худощавый азиат с коротко остриженными темными волосами. Он также обменялся с Карраско рукопожатиями.

– Ямасаки, – продолжал комментировать Галиндо. – Ну и состав здесь подобрался! Даже Нацумэ Ямасаки прилетел.

– Он из Японии?

– Нет, из Нью-Йорка. Его брат, архитектор, стал известен сегодня всему миру.

– Почему? – не понял Дронго.

– Он вместе с архитектором Ротом построил две башни Центра международной торговли. Бывшие башни, конечно. Сейчас архитекторов обвиняют в том, что они не совсем правильно рассчитали наружные конструкции и внутренние перегородки зданий. Но тридцать лет назад все восхищались их работой.

В зале появились еще двое. Один – полный, но подвижный мужчина лет пятидесяти, низкого роста, начинающий лысеть. Другой – высокий, крепкий, с мрачным загорелым лицом. На левой щеке у него виднелся шрам.

– А это кто? – поинтересовался Дронго, увидев, как нахмурился Галиндо при их появлении.

– Я не думал, что их тоже пригласят, – скривил губы Галиндо. – Провинциальные ювелиры. Много амбиций и никаких творческих достижений. Обыкновенные ремесленники. Один из Валенсии – вон тот, маленький, Руис Мачадо. А другой – Тургут Шекер, турок из Бадена-Бадена. Говорят, у него была бурная молодость.

– Это видно по его лицу, – добродушно заметил Дронго.

В зал вошла высокая женщина лет сорока с явной склонностью к полноте. Несмотря на многочисленные подтяжки лица и удаление ребер, было заметно, с каким трудом она сохраняет форму, пытаясь хирургическим способом избежать того, что было заложено ее природными генами и добавлено беспощадным временем.

– Господи, – прошептал Галиндо, – сама Эрендира Вигон. Только ее здесь не доставало! И зачем только Карраско пригласил эту гадину на свою презентацию?

– Она тоже ювелир?

– Хуже, гораздо хуже. Она издатель модного журнала. Пишет о драгоценностях и современной моде. Яркая представительница «желтой прессы» – абсолютно лишена всякой морали. Все ювелиры и модельеры ее боятся, как бомбы. Она может шарахнуть в любой момент, невзирая на дружбу. Этакий журналистский вариант киллера.

Эрендира была в длинном обтягивающем светлом платье, с трудом вместившем ее телеса. Она недовольно огляделась. Заметив стоявших вместе Руиса Мачадо и Тургута Шекера, небрежно кивнула им и прошла дальше, даже не задержавшись, чтобы поздороваться. Оба ювелира посмотрели на нее с явным неодобрением. Шекер процедил сквозь зубы какое-то ругательство.

Дронго, которому понадобилось взять еще хлеба, как раз проходил мимо и стал свидетелем того, как Шекер и Мачадо обменялись мнениями об этой особе.

Мачадо был испанцем, а турок, живший в Германии, кроме своего родного языка, знал еще и немецкий. Но говорили они на английском, которым владели оба.

– Я бы задушил эту дрянь, – злобно произнес турок, – как она смеет здесь появляться!

– Все-таки ее кто-нибудь в конце концов убьет, – согласился Мачадо.

Взяв булочку, Дронго повернулся, чтобы пройти к своему столику. И услышал, как Эрендира Вигон громко приветствует высокого мужчину с одутловатым лицом и крупными, слегка вытаращенными глазами.

– Здравствуйте, Фил! Я думала, вы не приедете.

– Тише, – одернул ее мужчина, – не нужно так кричать. Я хотел сохранить инкогнито.

– Какое инкогнито, – громко рассмеялась женщина, – весь мир знает мистера Фила Геддеса в лицо. Вы ведь самый известный журналист в Лондоне. И все знают, как вы не любите Рочберга.

– Не кричите, – снова попросил ее Геддес, – при чем тут Рочберг? Я собираюсь писать о новой коллекции Пабло Карраско.

– Думаете, что сумеете меня обскакать? – спросила Эрендира Вигон. – Ничего у вас не выйдет, Фил, – здесь моя территория.

– Не собираюсь с вами спорить, – отмахнулся Геддес. – На нас и так уже смотрят. Держитесь от меня подальше – не нужно привлекать ко мне внимание. – Он взял тарелку и быстро отошел в сторону от журналистки.

– Хам, – гневно произнесла она, направляясь в другой конец зала, – какой хам!

Дронго вернулся к своему столику. Карраско уже успел поздороваться со всеми прибывшими и приступил наконец к завтраку. Галиндо сосредоточенно ел свою яичницу.

– Интересная компания у вас подобралась, – заметил Дронго, усаживаясь рядом.

– Верно, – хмуро согласился Карраско, – но я приглашал для участия в презентации только ювелиров. А журналисты сами выбрали меня в качестве объекта для наблюдений. – Он с раздражением швырнул салфетку на столик.

Галиндо, не поднимая глаз, продолжал есть.

Внимание Дронго привлек стоявший в дверях уже знакомый ему молодой человек лет двадцати пяти. Он искал кого-то глазами, оглядывая всех находившихся в ресторане. Карраско, которого, по-видимому, и искал молодой человек, заметил его первым. Нахмурившись еще больше, он поднялся и пошел ему навстречу. Тот сделал по направлению к ювелиру несколько шагов.

– Я запретил тебе здесь появляться, – гневно сказал Карраско, – ты нарушил мой запрет.

– Извини меня, – тонкие губы молодого человека задрожали.

– Пойдем отсюда, – приказал Карраско, оглядываясь по сторонам, – быстро. Поговорим позже. Иди за мной, я покажу тебе твой номер.

Молодой человек тяжело вздохнул и поплелся следом за ювелиром.

– Все-таки он приехал сюда без разрешения Пабло Карраско, – возмутился Галиндо, – интересно, где он ночевал. Вчера вечером он, видно, не решился показаться в отеле. А утром набрался наглости и заявился прямо сюда.

– Наверное, он очень любит своего друга, – предположил Дронго.

– Надеюсь, вы не одобряете подобных отношений? – поморщился Галиндо. – Этот молодой человек пользуется слабостями сеньора Карраско!

– Не нужно так нервничать, – улыбнулся Дронго, – это их личное дело. Каждый решает для себя сам, от чего получать удовольствие. Одним нужны наркотики, другие предпочитают групповой секс. Если Карраско нравятся молодые мужчины, то пусть резвится сколько хочет. Вы же сами говорили, что у него больная жена.

– Мальчишке нельзя было здесь появляться, – упрямо произнес Галиндо.

– Кажется, у ювелиров больше секретов, чем я мог предположить, – немного насмешливо заметил Дронго и поднялся со стула, – приятного аппетита. – Он оставил своего собеседника и вышел из ресторана.

У фонтана во внутреннем дворе стояли Карраско и его молодой друг. Они громко разговаривали. Дронго невольно остановился, прислушиваясь к разговору.

– Я же тебя просил не приезжать сюда, – раздраженно говорил Карраско, – неужели тебе не ясно, что ты ставишь под удар всю церемонию презентации?

– Мне так не хотелось оставаться в Мадриде, – оправдывался молодой человек, – я думал...

– Как ты мог так поступить, Антонио, – развел руками Карраско, – в этом отеле собрались журналисты и ювелиры со всего мира. Ты хочешь, чтобы я стал посмешищем?

– Я не могу ждать, – выдавил молодой человек. Он внезапно всхлипнул и расплакался. Карраско достал из кармана носовой платок и протянул его своему другу.

И тут за спиной Дронго щелкнул фотоаппарат. Затем еще и еще раз. Карраско обернулся. В глазах у него была неподдельная ярость. Какой-то фотограф-папарацци, сумевший проникнуть в отель, прятался за кустами, снимая его встречу с Антонио. Очевидно, фотограф поднялся наверх с пляжа, сумев обмануть охрану своим независимым видом. Карраско хотел что-то крикнуть. Фотограф щелкнул еще раз и бросился бежать. Ему навстречу рванулись двое охранников, появившихся во дворе с внутренней стороны. Фотограф, увидев, что пути отступления отрезаны, повернул в сторону Дронго, надеясь обойти его и выбежать через вход. Но в этот момент Дронго ловко подставил ногу. Несчастный фотограф упал. Камера вылетела у него из рук, откатившись довольно далеко – чуть ли не к ногам одного из охранников. Тот поднял аппарат, открыл его и, пока бедолага-папарацци поднимался с земли, успел засветить пленку. Фотограф встал и с ненавистью взглянул на Дронго.

– Зачем вы мне помешали? – У него было круглое лицо и выющиеся волосы. Он все время облизывал полные губы.

– А зачем вы снимаете людей, которым не нравится ваше любопытство? – задал встречный вопрос Дронго. – Вам не кажется, что не мешало бы поинтересоваться и их мнением?

Фотограф пробормотал ругательство и, неожиданно размахнувшись, ударил Дронго по лицу. Тот пошатнулся, но устоял, в свою очередь успев одним толчком свалить нахала на землю. Тут подоспели двое сотрудников охраны. Один из них за шиворот поднял непрошеного гостя, второй передал несчастному пустой аппарат, и вдвоем они увели его, подталкивая в спину, к выходу из отеля. Антонио вскрикнул, когда фотограф неожиданно резко ударил Дронго. Карраско, внимательно наблюдавший всю сцену, подошел к Дронго и протянул ему руку.

– Спасибо, – сказал он немного торжественно, – я не думал, что нас и здесь будут доставать. Извините, что все так получилось. В следующий раз я буду умнее. Спасибо вам. Я видел, как вы его остановили.

– Ерунда. – Дронго пощупал чуть опухшую губу.

– Вы поступили очень достойно, – сказал ювелир. – У вас есть приглашение на сегодняшний вечер?

– Нет, – улыбнулся Дронго, – я только вчера приехал.

– Считайте, что вы приглашены. Какой у вас номер?

– Триста пятьдесят седьмой.

– Я пришлю приглашение к вам в номер, – сказал Карраско на прощание.

Дронго проводил его долгим взглядом. Он постоял немного, затем повернулся, пересек внутренний дворик и не торопясь поднялся на третий этаж. В коридоре у двери своего номера он увидел молодого человека в форме сотрудника отеля. «Хесус», – прочитал Дронго его имя на приколотой к форме карточке.

– Извините меня, сэр, – обратился к нему Хесус, – но я должен знать, какие газеты вы хотели бы получать по утрам. И когда доставлять вам в номер минеральную воду и фрукты. Кроме того, я хотел сообщить вам, что вы всегда можете за счет отеля заказать любой напиток в баре на первом этаже – в зале для особых гостей.

– Какой у вас прекрасный отель, – удивленно покачал головой гость, – неужели мне решили оказать подобные услуги за одного фотографа?

– За какого фотографа, сэр? – не понял Хесус. Со своим бледным лицом в веснушках и рыжеватыми светлыми волосами он мало походил на типичного испанца. И выглядел совсем юношей, хотя ему было лет тридцать или чуть больше.

– Нет-нет, ничего, – ответил Дронго, – я что-то напутал. У вас всех гостей обслуживают таким образом?

– Всех, кто останавливается в вашем номере, сэр, – доложил Хесус, – у вас «королевское обслуживание». Поэтому каждый день, после обеда, вы будете получать корзину свежих фруктов и минеральную воду. Шампанское, джин, виски и коньяк в вашем мини-баре – также бесплатно.

– Очень хорошо, Хесус. Только давай договоримся: я сам буду вызывать тебя, когда мне что-то понадобится. И не нужно лезть с фруктами ко мне в номер. Иногда днем я люблю поспать.

– Разумеется, – Хесус улыбнулся, – я всегда готов выполнить любое ваше пожелание. Я здесь новый работник и поэтому еще только учусь.

Дронго кивнул ему на прощание и вошел в свой номер.

Глава 3

Нужно хотя бы раз в жизни побывать в отелях высшего класса, чтобы понять, насколько люди, имеющие возможность проводить время в таких местах, отличаются от всех остальных смертных. Каждый гость, поселившийся в отеле категории люкс, знает себе цену. Здесь не принято расплачиваться наличными, и в руках постояльцев мелькают либо золотые карточки известных кард-систем, либо именные карточки почетных членов корпораций данного отеля. Мужчины, живущие здесь, отличаются преувеличенным сознанием собственной значительности и принадлежности к избранным. Женщины носят свои драгоценности и роскошные платья с непринужденностью и врожденной элегантностью аристократок. Хотя если тщательно поскрести красивую внешнюю оболочку этих особ, то можно увидеть, что прошлое их не всегда безупречно, а настоящее оформлено лишь в результате удачного замужества.

Правда, здесь не редкость и настоящие аристократы и аристократки, которые во всем и всегда сохраняют собственное достоинство и даже о своем недовольстве умеют дать понять обслуживающему персоналу лишь выражением глаз.

Все чаще в подобных роскошных заведениях можно встретить разбогатевших бизнес-леди. Таких дамочек больше всего не любят горничные и носильщики. Они обычно скупы, точны, строги и не оставляют лишних чаевых ни при каких обстоятельствах. Зато одинокие мужчины бывают гораздо щедрее. Среди них попадаются даже чудaki, которые могут дать на чай столларовую бумажку.

Особой категорией постояльцев у служащих высококлассных отелей считаются арабские шейхи, богатые гости с Ближнего Востока. Почти весь день они проводят в шикарных апартаментах или холлах, лишь изредка покидая отель, чтобы отправиться в какой-нибудь ресторан. Музеи и галереи подобных людей не интересуют, они там никогда не бывают. Красивая женщина, появившаяся в поле их зрения, – другое дело. Это на какое-то время может разжечь блеск в их глазах, вывести из состояния блаженной лени, пассивности и полного отсутствия интереса к жизни. Такие гости способны оставить на чай не сто, а тысячу или две тысячи долларов. Нефть, которой они владеют, приносит колоссальные деньги. Эти деньги дают им возможность иметь все. Но в то же время превращают в людей, которым неведомы радость познания, удовольствие от совместного творчества, удовлетворение от хорошо сделанного дела, мечты о будущем...

Кроме какого-нибудь миллиардера, получившего свое богатство от рождения и как будто в наказание за это вынужденного бесцельно проводить время, сидя в роскошном холле с потухшим взором, в пятизвездочных отелях можно встретить людей, которых в мире знают и ценят за их таланты и свершения. Здесь останавливаются кинозвезды, деятели шоу-бизнеса, известные банкиры, юристы.

Отели высшего класса – это царство корректности и приятных манер. Это море ароматов – от благоухания букетов живых цветов, которые сменяют на свежие каждый день, до дорогих парфюмов гостей. Никаких неприятных запахов! Раньше в таких отелях часто в воздухе стоял запах очень дорогих сигар, но с течением времени курение было признано вредным, а богатые люди с особым трепетом относятся к своему здоровью.

Вечерний прием в таких отелях – это великосветский раут, попасть на который удастся не каждому. Так, в роскошном парижском «Крийоне» раз в год проходит бал, устраиваемый для очень молодых девушек только из лучших аристократических семей Европы. Самые известные модельеры соревнуются за право сшить платья участницам бала. Самые лучшие ювелиры с удовольствием предоставляют им свои драгоценности – для демонстрации на балу, а следовательно, и рекламы на снимках в глянцевах журналах, ведущих хронику светской жизни.

Парижский отель «Ритц» привлекает гостей своей замечательной историей. Здесь любил бывать Хемингуэй, и в отеле есть бар его имени, там даже установлен бюст знаменитого писателя. В «Ритце» жила легендарная Коко Шанель. Именно из этого отеля выехали навстречу своей гибели принцесса Диана и ее спутник.

Лондонские «Дорчестер» и «Кларидж» соперничают друг с другом по числу важных гостей, посетивших эти самые известные отели столицы Англии. Если в первом в основном останавливаются бизнесмены и банкиры, то во втором – политики и государственные деятели. Нью-йоркская «Плаза» стала настоящим символом респектабельности, как «Сен-Редженс» с Пятой авеню – символом снобизма и богатства. Гордится своей многолетней историей и легендарная «Уолдорф Астория».

В Испании есть несколько отелей подобного уровня. Украшающий Севилью «Альфонсо Тринадцатый» и «Палас-отель» в Мадриде, выстроенные в помпезном дворцовом стиле, давно прославились удобством и роскошью своих просторных номеров и невероятным уровнем сервиса. В один ряд с ними стремятся встать и несколько высокосовременных отелей, расположенных по обе стороны от Гибралтара. Три из них, на Коста дель Соль, уже признаны лучшими местами для отдыха во всем Средиземноморье. А вот только что построенной «Мелиа Санкти Петри» еще предстоит утвердиться в гостиничном бизнесе и заработать прочную репутацию, подобающую отелю категории люкс.

Званный вечер проходил в ресторане. Во внутреннем дворике было шумно и весело. Перед фонтанами играли гитаристы. Специально приглашенные испанские актрисы пели и танцевали под зажигательную музыку своих соотечественников. В холле отеля уже собрались фотографы и журналисты, готовые наброситься на Карраско, чтобы удовлетворить свое любопытство. Все знали, что ближе к десяти часам сеньор Карраско пригласит узкий круг избранных в салон, находящийся в другом крыле здания. Там и состоится демонстрация образцов его новой коллекции.

Мужчины, несмотря на слишком теплую для осени погоду, были в строгих черных смокингах, женщины – в открытых вечерних платьях.

Пресс-секретарь Карраско, строгая и невозмутимая Ремедиос Очоа, стройная женщина около пятидесяти, была хорошо известна всем журналистам. Всегда элегантно одетая, с безупречно уложенными волосами, она обычно четко отвечала на их вопросы хорошо поставленным голосом. Сеньора Очоа славилась тем, что за всю свою жизнь не позволила себе ни разу сорваться, повысить голос или не ответить на заданный вопрос. С этой точки зрения она была идеальным пресс-секретарем и хорошим помощником Карраско. Поговаривали, что он платил ей больше, чем получает за работу в правительстве министр финансов.

Среди присутствующих на вечере выделялся и руководитель охраны в фирме Карраско – Бернардо де ла Рока. Ему было пятьдесят шесть лет. До того как поступить на работу к ювелиру, он служил в полиции Севильи. И лишь в прошлом году, после выхода на пенсию, дал согласие на переход в частную фирму. Он был чуть выше среднего роста, имел широкие плечи, крепкие мужские руки. Очень темный цвет лица говорил о том, что среди его предков, очевидно, были негры или мавры. Увидев Дронго, начальник охраны подошел к нему.

– Бернардо де ла Рока, – представился он. – Я хотел поблагодарить вас. Мне с охранниками необходимо было проконтролировать прибытие груза в Кадис, и поэтому меня не оказалось в отеле, когда здесь появился неизвестный папарацци. Этот отель хорошо охраняется, и я не думал, что сеньору Карраско здесь может угрожать подобная опасность. Спасибо вам, сеньор... э-э... – Он протянул свою руку.

– Меня обычно называют Дронго. – Рукопожатие было крепким.

– Жаль, что его сразу выставили, – посетовал Бернардо, имея в виду фотографа, – в подобных случаях нужно проверять все до конца.

– Мне самому не нравятся такие типы, – признался Дронго.

– Вы получили приглашение на вечернюю презентацию? – уточнил Бернардо.

– Да, спасибо. Мне принесли приглашение в номер. Скажите, а много людей будет на приеме?

– Сначала запустят всех фотографов и журналистов. С ними будет говорить сеньора Очоа. Потом пригласят гостей отеля. Но главный прием состоится в десять часов вечера. На нем будут только несколько человек. Сеньор Карраско хочет поделиться своими планами с профессионалами, которых он специально пригласил.

– Их много? – не унимался Дронго.

– Нет. Будут двое ювелиров из Америки – Ямасаки и Рочберг, двое местных – Энрико Галиндо и Руис Мачадо. Турок из Германии Тургут Шекер. И все. В списке гостей только десять человек избранных.

– Пять ювелиров и я, – посчитал Дронго, – это шесть. А кто остальные четверо?

Бернардо с некоторым удивлением взглянул на него.

– Вы быстро считаете, – заметил он. – Кроме вас приглашены еще двое журналистов – Эрендира Вигон из Мадрида и Фил Геддес из Лондона. Будет также друг сеньора Карраско – Антонио Виллари, – при этих словах Бернардо чуть нахмурился, – и еще одна женщина. Сеньора Ирина Петкова. Она приглашена сегодня, как и вы. Больше никого. Только десять человек.

– А вы и сеньора Очоа?

– Я не приглашенный, – подчеркнул Бернардо, – и сеньора Очоа тоже. Мы работаем, сеньор Дронго. Кажется, так вы представились?

– Не обижайтесь, – добродушно заметил Дронго, – мне просто интересно, кто будет на вечернем приеме. Я ведь здесь никого не знаю. Получается, что там соберется тринадцать человек – десять приглашенных и вы трое, вместе с сеньором Карраско.

– Ну и что? – не понял Бернардо.

– Число дьявола, – напомнил Дронго, – неприятная цифра.

Он отошел от Бернардо – в зале появилась его знакомая, Ирина Петкова. Она была в костюме цвета слоновой кости. Элегантность «Эскады» чувствовалась в каждом сантиметре ткани. Дронго приблизился к молодой женщине.

– Сегодня вы выглядите еще лучше, чем вчера, – восхищенно сказал он, – я где-то читал, что подлинно элегантных женщин отличает умение избегать чрезмерности. А истинная привилегия красивых женщин состоит в том, что им вообще нет нужды пользоваться этим искусством.

– Спасибо, – улыбнулась она, – вы тоже неплохо смотрите на фоне этих мрачных ювелиров и болтливых журналистов. Вы знаете, там у дверей ждет своего часа сама Эрендира Вигон, которую называют «мусоросборщиком» за ее неуставные поиски компромата на всех известных людей.

– Не знал, – усмехнулся Дронго и оглянулся на стоявшую у входа вместе с Геддесом скандальную журналистку.

– Вы будете сегодня на приеме? – вновь обратился Дронго к своей собеседнице.

– Да, но как вы узнали? – удивилась она, настороженно взглянув на Дронго.

– Никакого секрета нет, – пояснил он, – только что Бернардо сообщил мне, кто именно останется на малый прием. После того как уйдут все журналисты, фотографы и остальные гости. Он сказал, что вас пригласили сегодня, как и меня.

При этих словах Ирина Петкова еще раз внимательно посмотрела на своего собеседника.

– Интересно, чем вы заслужили такую милость? – произнесла она негромко. – Вы ведь приехали вчера вместе со мной? Или вы были раньше знакомы с сеньором Карраско?

– Я могу задать вам тот же вопрос, – парировал он, – вы сказали нам, что только слышали об известном ювелире и не знаете его лично.

– А я его и не знала.

– Тогда почему он пригласил вас вместе с ювелирами?

Петкова закусила нижнюю губу. Потом неожиданно сказала:

– У меня были хорошие рекомендации от наших общих друзей. И он решил, что этого достаточно.

– Странно, – задумчиво произнес Дронго, – мне он показался гораздо более прагматичным.

– Не знаю, – пожала она плечами, – но это правда, как и то, что я не была с ним прежде знакома. А каким образом вы получили приглашение на вечерний прием в узком кругу?

– Я помог сеньору Карраско сегодня утром, – пояснил Дронго. – Он разговаривал у фонтана со своим другом и в чем-то укорял его. Внезапно тот разрыдался, и сеньор Карраско, достав носовой платок, принялся его успокаивать. В этот момент папарацци, находившийся недалеко от меня, начал их фотографировать. Естественно, это меня возмутило. И когда фотограф попытался скрыться, я подставил ему ногу. Он упал, но затем, поднявшись, набросился на меня. Сотрудники охраны успели схватить его и засветить пленку. Ну а сеньор Карраско успел все увидеть. Он подошел ко мне, поблагодарил и сообщил, что пришлет приглашение.

– Действительно, как просто! Наверняка сеньор Карраско разговаривал с Антонио Виллари? Я права?

– Верно. И ему не хотелось, чтобы его снимки вместе с Антонио стали новой газетной сенсацией.

– Вы хороший ученик, – удовлетворенно отметила Петкова, – вспомнили рассказ Галиндо и решили, что нужно помешать фотографу.

– Наверное, – согласился Дронго, – такая мысль, возможно, мелькнула в моем подсознании.

– А что еще мелькнуло в вашем подсознании? – поинтересовалась она.

– Интересно было бы побывать на сегодняшнем приеме, – признался Дронго, – никогда не видел так много известных ювелиров в одном месте.

– И никогда не увидите, – пообещала она, – здесь присутствует даже такая знаменитость, как Рочберг. Его уникальные коллекции имеют мировую славу. Не знаю, каким образом сеньору Карраско удалось заманить его сюда...

К ним приближалась высокая светловолосая женщина с короткой стрижкой и голубыми глазами, одетая в бежевый брючный костюм. Она была не просто высокого, а очень высокого роста, за метр восемьдесят, – очевидно, в юности эта дама была баскетболисткой. Дронго уже знал, что это сеньора Нуньес, метрдотель ресторана. Петкова направилась к ней и принялась о чем-то весело ее расспрашивать.

Дронго в одиночестве двинулся дальше по залу. Проходя мимо Рочберга, громко беседовавшего со своим коллегой из Нью-Йорка, он услышал:

– Мистер Ямасаки, я должен признать, что последние работы Карраско мне очень нравятся. В них есть чувство стиля.

Его собеседник молчал. Он вообще предпочитал не разговаривать, а слушать. Как истинный японец, попадая в многолюдное общество, он замыкался в себе.

– Я думаю, что мы подпишем контракт на поставку новой партии, – продолжал Рочберг, – его бриллианты могут продаваться и в наших магазинах.

– Вы хотели подписать контракт с нашей фирмой, – не выдержал Ямасаки.

– Мы сократим поставки из Нью-Йорка, – заявил, тяжело вздохнув, Рочберг, – примерно на двадцать пять процентов. И заменим их поставками из Европы.

– Но мы договаривались... – попытался возразить Ямасаки.

– Однако еще не подписали официального договора, – перебил его Рочберг, – я вам всегда говорил, что сначала должен увидеть бриллианты Карраско, чтобы оценить их подлинную сто-

имость. Некоторые камни я уже получил. Должен сказать, что шлифовка камней безупречна. Настоящая работа. В Амстердаме могут позавидовать искусству испанских ювелиров.

Дронго заметил, с каким интересом прислушивается к разговору Рочберга и Ямасаки сеньор Галиндо, и отошел в сторону. С бокалами в руках возле длинного стола беседовали Тургут Шекер и Руис Мачадо.

– Карраско хочет заключить союз с Рочбергом и получить американский рынок, – сообщил Мачадо, – он настоящий гений бизнеса.

У Тургута Шекера дернулось лицо.

– Опять он нас обманул. Пригласил на просмотр своей новой коллекции, а сам использовал нас как антураж, чтобы привлечь сюда Рочберга. Хитрый дьявол!

– Говорят, что сегодня днем Карраско передал ему несколько лучших камней, – продолжал Мачадо.

– Откуда вы знаете? – мрачно поинтересовался турок.

– Мне сообщила об этом сеньора Ремедиос, – улыбнулся Мачадо, – под большим секретом, разумеется. Мы с ней давние друзья.

Дронго прошел дальше. У дверей Бернардо беседовал с руководителем охраны отеля.

– Нужно, чтобы ваши сотрудники дежурили на океанском побережье, – предложил Бернардо, – оттуда могут подняться в отель незваные гости.

– Я уже распорядился, – успокоил его начальник охраны, – двое наших сотрудников дежурят у выхода к пляжу. Они останутся там на всю ночь.

Сеньора Ремедиос Очоа объявила, что пресс-конференция начнется в соседнем зале и сеньор Карраско приглашает всех. Журналисты и фотографы ринулись туда. От внимания Дронго не ускользнуло то обстоятельство, что Эрендира Вигон и Фил Геддес, приглашенные на ночной прием для посвященных, брезгливо поморщились. Они не собирались соревноваться с остальными журналистами. У них будут ночные эксклюзивные репортажи с главными участниками церемонии. И поэтому они никуда не спешили. Сеньора Вигон кокетничала с несколькими мужчинами, окружившими ее столик, а Фил Геддес сидел и пил неразбавленный виски, хмуро поглядывая в сторону толпившихся у соседнего зала.

Часы показывали уже восемь вечера. Гитары продолжали услаждать слух собравшихся прекрасными мелодиями.

Гости рассаживались за столики, расставленные на свежем воздухе – прямо между фонтанами и деревьями в первом внутреннем дворе. Дронго занял столик рядом с гитаристами. Он сидел в одиночестве, слушая их виртуозную игру. Никто даже не догадывался о том, что должно было случиться через тридцать минут.

Ровно через полчаса после разговора с мистером Ямасаки Исаак Рочберг почувствовал, что ему нужно пройти в туалет. В последнее время желудок давал о себе знать частыми сбоями, которые в его возрасте были простительны. Рочберг неторопливо – до ночного приема оставалось еще больше часа – направился к своему номеру. Чтобы не пользоваться лифтом и не подниматься по лестницам, он, как всегда, заказал для себя апартаменты на первом этаже. Сто пятьдесят пятый номер. Рочберг прошел по коридору к своей двери и, повернув ключ, отворил ее. Первое, что он сделал по привычке, едва войдя в комнату, это включил телевизор. Как и все американцы, он чувствовал себя довольно неуверенно, если в комнате не работал телевизор. Увидев комментатора Си-эн-эн, он удовлетворенно кивнул головой и снял пиджак.

Неожиданно он заметил, что дверца стенного шкафа, за которым находился вделанный в стену небольшой сейф, чуть приоткрыта. Рочберг нахмурился. Отодвинув створку, он набрал комбинацию цифр и распахнул сейф. Пусто! Рочберг собрался закричать, но в этот момент дверь ванной комнаты за его спиной тихо открылась. Ванные комнаты в отеле были просторными – кроме большой ванны там в двух примыкающих помещениях находились туалет и душевая кабина. Рочберг не успел оглянуться. Кто-то ловко набросил ему на шею петлю. Он

почувствовал, как у него перехватило дыхание. Ювелир поднял руки, пытаясь защититься. Но петля давила все сильнее. «Кто посмел украсть у меня драгоценности?» – была последняя негодующая мысль Исаака Рочберга. Через несколько мгновений он уже не дышал. Тяжелое тело свалилось на пол почти бесшумно. Убийца взглянул на ювелира, наклонился, пошарил по его карманам, в которых были лишь носовой платок и таблетки от кашля. Сложил все обратно. И, переступив через убитого, вышел из номера, мягко закрыв за собой дверь.

Глава 4

За полчаса до назначенного времени у салона, где должна была состояться презентация новой коллекции Пабло Карраско, появилась его пресс-секретарь сеньора Ремедиос Очоа. Она успела переодеться, и теперь вместо строгого темно-синего костюма от «Прада» на ней было длинное черно-красное платье местного модельера. Сеньора Ремедиос была чуть выше среднего роста, но казалась гораздо более высокой из-за гордо поднятой головы. Она носила элегантные очки, всегда тщательно следила за своей кожей, знала пять языков и была прекрасным сотрудником.

Но чтобы чувствовать себя нормальной женщиной, всего этого было слишком мало. Увы! Сеньора Ремедиос Очоа никогда в жизни не имела романов с мужчинами и в душе даже немного презирала их, полагая, что они сотворены господом лишь по недоразумению. Единственный, к кому она испытывала безоговорочное доверие и некоторую нежность, был Пабло Карраско. К тому же он не любил проводить время с женщинами, что еще больше укрепляло его престиж в глазах сеньоры Очоа. Если даже такой человек не сумел найти гармонии с женщиной, значит, в мире ее просто нет, твердо полагала она.

Миновав двух охранников, Ремедиос Очоа вошла в пустой зал. Сразу следом за ней появился Бернардо. Он взглянул на часы – стрелки показывали без двадцати пяти десять. Бернардо позвонил начальнику охраны отеля. Через несколько минут охранники в сопровождении четырех полицейских внесли в зал четыре больших чемодана. Их вскрыли, и под наблюдением сеньоры Ремедиос драгоценности были выложены на бархатные подушечки. Полицейские встали у входа в салон с внешней стороны. Бернардо посмотрел на украшения и покачал головой. Он ничего не понимал в бриллиантах, но знал, сколько во все времена было страданий, лжи, преступлений и смертей из-за этих, по мнению Бернардо, всего лишь блестящих побрякушек. Однако в мире существует слишком много людей, которые считают их главной ценностью своей жизни. И они никогда бы не согласились с оценкой Бернардо действительной стоимости выложенных здесь бриллиантовых украшений с характерной монограммой Пабло Карраско.

Особняком лежало кольцо, которое было на известной испанской актрисе во время церемонии вручения «Оскаров». Тогда Карраско, одолжив кинозвезде свое изделие, стоимостью в четыреста тысяч долларов, застраховал его от кражи и порчи. Двое телохранителей незаметно сопровождали актрису. Колье, названное «Мавританская красавица», наделало много шума и вызвало повышенный интерес журналистов. Сегодня Карраско впервые выставлял свой шедевр для демонстрации коллегам.

Без десяти минут десять в зал вошел сам ювелир. Он прошел вдоль ряда разложенных драгоценностей и кивнул Бернардо, словно разрешая наконец показать выставленные ценности всем приглашенным.

Первыми, толкая друг друга, в дверь протиснулись Эрендира Вигон и Фил Геддес. Оба были достаточно хорошими профессионалами, чтобы сразу оценить мастерство Карраско и новаторские линии его новых работ. Ровно в десять часов вечера пришел Ямасаки, который вежливо поклонился мастеру и начал внимательно осматривать экспозицию. Почти следом за ним в салон вошли сначала Руис Мачадо, затем Тургут Шекер. К приходу Дронго здесь уже собрались почти все приглашенные. Последними появились Ирина Петкова и ювелир Галиндо, который пришел позже всех, чуть запыхавшись. Пабло Карраско смотрел на часы. Он устроил это шоу только ради одного человека – самого Исаака Рочберга. А он опаздывал на презентацию...

– Я поражена качеством ваших изделий, сеньор Карраско, – громко сказала Эрендира Вигон, – вы настоящий волшебник!

– Сколько может стоить кольцо «Мавританская красавица»? – перебил ее бесцеремонный Геддес, указывая на самую известную работу ювелира.

– Можно сказать, оно бесценно, – самодовольно произнес Карраско, ставший, казалось, даже выше ростом от сознания собственного успеха. – Стоимость только камней и золота в этом колье превышает четверть миллиона долларов. Страховая компания оценила кольцо в два раза дороже, – сказал он, немного завышая истинную стоимость «Мавританской красавицы», – но я думаю, что в случае продажи с аукциона оно пойдет по еще более высокой цене.

– В таком случае женщине, которая будет его носить, придется ездить на танке, – пошутил Геддес.

Карраско усмехнулся. Сейчас больше всего на свете его волновало, когда же наконец здесь появится его американский гость. Ямасаки ходил вокруг выставленных ценностей и не задавал ни одного вопроса. Он также терпеливо ждал появления Рочберга. Остальные ювелиры осматривали коллекцию со смешанными чувствами восхищения и зависти – ревности к успехам более удачливого коллеги. Все трое переглядывались, но предпочитали не комментировать увиденное. Однако Дронго, наблюдавший за ними, и без слов понимал, какие эмоции владеют ювелирами.

Карраско поглядывал на часы. Двадцать минут одиннадцатого... Со стороны Рочберга это было уже предельной степенью неуважения! Неужели так трудно выйти из номера и пройти всего лишь двести или триста метров? Еще раз взглянув на часы, Карраско сжал зубы. Как смеет этот американский невежа заставлять ждать себя так долго?!

– Простите, – вежливо сказал, подойдя к нему, Ямасаки, – мне кажется, вы должны позвонить мистеру Рочбергу. Может быть, что-нибудь случилось?

Карраско взглянул на него с некоторым подозрением. Почему всегда хранящий молчание японец вдруг забеспокоился о своем коллеге из Лос-Анджелеса? Он не может не знать, что Рочберг собирается сократить сотрудничество с фирмой Ямасаки, чтобы заключить договор на продажу эксклюзивных изделий Карраско в Америке. Именно поэтому предложение Ямасаки показалось испанцу несколько странным.

– Он сейчас придет, – сказал Карраско, – мистер Рочберг предупредил меня, что может задержаться.

Все присутствующие слышали этот ответ, но никто не придавал ему никакого значения. Карраско в который раз посмотрел на часы, украшенные его собственной монограммой, и тихо выругался по-испански:

– Карамба! Когда, наконец, явится этот жирный мерзавец?

Дронго услышал, как за его спиной Геддес сказал, обращаясь к Эрендире Вигон:

– Кажется, Рочберг решил демонстративно опоздать. Это в его характере – дать почувствовать всем, кто здесь хозяин.

– А он не подумал, что здесь Испания, а не Беверли-Хиллз? – зло спросила сеньора Вигон.

– Может быть, Рочберг не хочет сотрудничать с Карраско? – осторожно уточнил Тургут Шекер, наклоняясь к Руису Мачадо. Из-за высокого роста турку пришлось чуть ли не пополам согнуться, чтобы прошептать коротышке Мачадо свой вопрос прямо в ухо. Но стоявший рядом Дронго услышал и эти слова.

Карраско подошел к Энрико Галиндо.

– Вам нравится коллекция? – отрывисто спросил он.

– Безусловно, – ответил Галиндо, – вы знаете, я всегда восхищался вашей работой, сеньор Карраско. Особенно меня поражает «Мавританская красавица». Мне кажется, что формы кольца совершенны. Вы идеально использовали цвет камней и их огранку для успеха общей композиции. Как жаль, что раньше мы не были лично знакомы.

– Да, – согласился Карраско, – но я много о вас слышал. Я пригласил сюда тех, о ком сейчас говорят как о самых перспективных мастерах. С уважаемым герром Шекером из Баден-

Бадена и с сеньором Мачадо из Валенсии я тоже никогда раньше не встречался. Но все они любезно откликнулись на мои приглашения, как и сеньор Ямасаки.

Произнеся это имя, он мрачно взглянул на японца и подозвал своего пресс-секретаря.

– Выясните, почему задерживается наш американский гость, – зло сказал сеньор Карраско, – может, он вообще не хочет сюда приходить? По крайней мере, он мог бы нас предупредить.

Почувствовав его состояние, сеньора Ремедиос тут же поспешила к выходу, чтобы позвонить по внутреннему телефону в номер Рочберга. Через минуту она вернулась с несколько растерянным видом.

– Его телефон не отвечает, – сообщила она.

Карраско оглядел присутствующих. Он превращался в посмешище. Этого он не мог допустить.

– Пошлите кого-нибудь проверить, где находится мистер Рочберг, – уже перестав себя сдерживать, закричал Карраско, – зачем я приехал сюда и привез все эти экспонаты? Чтобы он не появился в самый нужный момент? Или он решил над нами посмеяться? Бернардо! Выясните, куда делся наш американский «друг».

– Простите, сеньор, – растерялся Бернардо, – вы хотите, чтобы я оставил вас одного?

– У дверей стоят охранники и полицейские, – продолжал бушевать Карраско, – с моими драгоценностями ничего не произойдет. Найдите Рочберга и сообщите наконец, почему он так опаздывает.

Бернардо и сеньора Очоа, взглянув друг на друга, почти бегом покинули салон. Оставшиеся переглядывались, общее ощущение тревоги передавалось каждому из присутствующих. Только журналисты были довольны. Похоже, назревала сенсация. Альянс между американской компанией Рочберга и испанской фирмой Карраско мог не состояться. Эрендира Вигон, почувствовав, что присутствует при историческом событии, подошла ближе. Ей было интересно увидеть, как будет реагировать Пабло Карраско на срыв соглашения, о котором писали все газеты. Фил Геддес уже достал и незаметно включил спрятанный в кармане небольшой диктофон, чтобы записать все слова, которые могли прозвучать из уст разъяренного Карраско.

Но, похоже, сам ювелир осознавал, какую опасность представляют для него оба журналиста, присутствующие на закрытой церемонии, и поэтому, опасливо взглянув на них, он усилием воли заставил себя успокоиться и отойти в сторону.

Петкова подошла к Дронго.

– У них что-то сорвалось, – убежденно сказала она, – не может быть, чтобы мистер Рочберг опоздал более чем на полчаса. Возможно, его кто-то задержал.

– Он мог позвонить и предупредить, что задерживается, – возразил Дронго. – Видимо, он вообще не хочет здесь появляться.

– Тогда зачем он принял приглашение Карраско? – тихо спросила Ирина. – Вам не кажется, что Рочберг повел себя несколько нелогично? Совершить перелет из Лос-Анджелеса, проехать всю Испанию до Чикланы, поселиться в отеле – и не пройти двухсот метров, отделяющих его номер от этого зала... Согласитесь, что это нелогично.

– Конечно, нелогично, – кивнул Дронго, – но у ювелиров может быть своя логика. И свои интересы, о которых мы не знаем. Я слышал, как он рассказывал Ямасаки о том, что хочет отказаться от сотрудничества с его фирмой и заключить новое соглашение с Карраско. Вернее, не полностью отказаться, а сократить объемы. Но за эти несколько часов он мог передумать сам или получить какое-то новое сообщение из Америки. Или, может быть, Ямасаки убедил его не терять традиционных партнеров по бизнесу. В конце концов, Ямасаки хоть и японец, но американский гражданин, а Карраско испанец – в таких вопросах американцы всегда отдают предпочтение своим соотечественникам.

– И вы думаете, он мог изменить свое решение? – удивилась Петкова.

– Не знаю, – честно признался Дронго, – мне вообще кажется странным его поведение. Даже если он решил не подписывать соглашение с Карраско, то прийти и посмотреть на драгоценности он мог. Хотя бы из чистого любопытства.

Пока они разговаривали, Бернардо и сеньора Очоа безуспешно пытались дозвониться в номер мистера Рочберга – телефон не отвечал. Американского ювелира разыскивали по всему отелю. Портье приказал служащим проверить все места, где мог находиться гость. Во все рестораны и бары были посланы сотрудники охраны. Наконец портье, менеджер отеля, руководитель службы безопасности, горничная и сам Бернардо прошли к номеру, который занимал мистер Рочберг.

В этот момент в зал, где проходила презентация, стараясь не привлекать внимания, боком вошел Антонио Виллари. Он был в светлом костюме. Все посмотрели на вошедшего.

– У вас испачкан рукав, сеньор Виллари, – произнес в наступившей тишине Галиндо.

Виллари поднял руку и посмотрел на пятно.

– Это сок, – сказал он со смущением, – я так торопился сюда, что опрокинул со столика стакан с томатным соком.

Никто ничего не стал уточнять. Виллари еще раз посмотрел на рукав своего пиджака. Молчание, воцарившееся в салоне, было невыносимым. Карраско «одарил» своего друга таким бешеным взглядом, словно тот был виноват в задержке Рочберга.

– Может быть, Исаак Рочберг не захотел сюда приходить из-за этого типа? – предположил Дронго. – Бойтся быть втянутым в ненужный скандал. Или оказаться скомпрометированным из-за гомосексуальных связей Карраско?

– Американец? – выразительно спросила Петкова. – Думаете, что он задержался бы из-за подобной мелочи? Никогда в жизни. Вы, наверное, ничего не знаете о Рочберге. Ради выгоды он пришел бы сюда, даже если Карраско продал бы душу дьяволу.

В коридоре у номера Рочберга стояло сразу несколько человек. Портье достал свой ключ и осторожно открыл дверь. Заглянув внутрь, он издал звук, похожий на стон, и тут же попятился назад. Бернардо, оттолкнув его, бросился в комнату. Но через секунду и он выскочил за дверь.

– Черт возьми, – растерянно произнес бывший полицейский, – кажется, его убили.

– Что вы говорите? – ахнул менеджер. – Убили? В нашем отеле? Такого не может быть!

– Войдите и посмотрите сами, – предложил Бернардо несчастному менеджеру, у которого на нервной почве начало дергаться лицо.

– Ни в коем случае, – менеджер замахал руками. Он повернулся к портье: – Вызывайте полицию, врачей, позвоните управляющему. Господи, что я буду говорить...

Он не успел закончить свои причитания, когда Бернардо строго распорядился:

– Никого не впускайте в номер до приезда полиции. Поставьте в коридоре сотрудников охраны. – Он повернулся, чтобы уйти.

Проделав весь путь по коридору и внутреннему дворику бегом, в зал, где напряжение нарастало с каждой минутой, Бернардо вошел спокойным шагом – сказывалась большая полицейская практика. Он поискал глазами сеньора Карраско и подошел к нему.

– Где Рочберг? – рявкнул потерявший остатки терпения Карраско.

– Извините, сеньор Карраско, – сказал Бернардо, заставив себя выдавить улыбку, – давайте отойдем в сторону.

Карраско изумленно взглянул на него, но, ничего не переспросив, позволил увести себя в дальний угол. Бернардо встал спиной ко всем остальным, загораживая собой ювелира.

– Случилось несчастье, – коротко сообщил он, – сеньор Рочберг умер.

– Что? – вздрогнул от неожиданной новости ювелир. – Как умер?

– Я думаю, его убили, – деловито доложил Бернардо.

– Почему? – испугался Карраско. – То есть почему вы так думаете?

– Я уже видел подобные трупы, – пояснил Бернардо. – Судя по всему, его задушили. Как только я вошел в номер и посмотрел на его лицо, мне все стало ясно.

– Задушили? – шепотом переспросил Пабло Карраско. – Но кто это мог сделать? Здесь повсюду охрана, сотрудники полиции.

– Не знаю, сеньор, – угрюмо ответил Бернардо, – но ясно, что убийца все еще находится в отеле.

– Как это в отеле? – У Карраско задрожали губы. – Нужно срочно спрятать наши драгоценности. Вы меня понимаете? Вызывайте сотрудников охраны. И вообще – мы немедленно уезжаем отсюда!

– Нельзя, сеньор, – рассудительно заметил Бернардо, – мы не знаем точно, что случилось с сеньором Рочбергом. Но, по моим предположениям, произошло убийство. И если мы уедем сразу, после того как выяснилось, что ваш гость убит, это может вызвать ненужные слухи. Не говоря уже о том, что наш внезапный отъезд может не понравиться следствию. Ведь именно вы пригласили сеньора Рочберга в этот отель. Он приехал в Испанию по вашему приглашению. Вы меня понимаете, сеньор Карраско?

– Понимаю, – растерянно пробормотал ювелир. – А как же камни? – вдруг спросил он. – Куда делись мои камни? Вы проверили в номере Рочберга? Я давал ему три бриллианта, чтобы он оценил качество огранки. Куда они делись?

– Бриллианты? – удивился Бернардо. – Вы давали ему бриллианты? – ошеломленно уточнил он.

– Конечно, давал, – не сдержавшись, повысил голос Карраско, – в вашем присутствии!

Бернардо секунду подумал, как бы припоминая что-то, и, повернувшись, быстрым шагом вышел из зала. Карраско вернулся к гостям. Все смотрели на него. Две женщины – Ирина Петкова и Эрендира Вигон. Четверо ювелиров – Мачадо, Шекер, Ямасаки, Галиндо. И стоявшие несколько в стороне Геддес и Дронго. В углу замер Антонио, не спускавший с Карраско взгляда печальных глаз.

– Что-нибудь случилось? – спокойно спросил Ямасаки.

– Да, – кивнул Карраско, обводя всех полубезумным взглядом, – случилось. Я прошу вас сохранять спокойствие, сеньоры. Но, кажется, у нас произошло несчастье. Мне только что сообщили о смерти нашего друга и коллеги Исаака Рочберга.

Глава 5

Все ошеломленно молчали. Первым не выдержал Мачадо:

– Он умер? Сердечный приступ?

– Нет, – ответил Карраско, с трудом сдерживая эмоции, – его убили. Мне передали, что его убили.

После этих слов ювелиры встревоженно переглянулись. Ямасаки направился к выходу. Обгоняя его, вперед рванулись журналисты. При этом Эрендира Вигон проявила поразительную резвость и даже опередила Фила Геддеса.

– Стойте! – крикнул им Карраско. Журналисты остановились. – Подождите! Лучше не покидать салон, пока не приедет полиция. Ведь произошло убийство!

– Именно поэтому нам нужно быть на месте преступления, – отмахнулся от него Геддес и, оттолкнув стоявшую рядом с ним женщину, первым выскочил из зала. Эрендира, изрыгая проклятия в адрес своего проворного коллеги, поспешила за ним. Ямасаки поклонился, принося извинения, и только затем все же удалился. Оставшиеся посмотрели на Карраско.

– Его убили, – растерянно повторил ювелир, – я не понимаю, кто его мог убить? В таком отеле?

– Если его застрелили, то соседи должны были слышать выстрел, – хмуро заметил Тургут Шекер.

– Нет, – простонал Карраско, усаживаясь на стул и хватаясь за сердце, – его задушили. Вы представляете, какой скандал? Задушили... Все будут считать, что я специально пригласил его сюда... Какое несчастье! У меня сорвался такой контракт...

Петкова посмотрела на Дронго и нахмурилась. Но не стала спешить к выходу. Она оглядела оставшихся в зале мужчин, словно решая, как именно ей поступить. Карраско раскачивался из стороны в сторону. Было непонятно, отчего он так нервничает. Боится потерять репутацию в результате смерти гостя? Сожалеет об упущенной выгоде от контракта? Жалости к Рочбергу он, очевидно, не испытывал. Впрочем, и остальные ювелиры не особенно жалели своего коллегу. Среди царства холодных камней теплые чувства были ненужным элементом, мешающим их работе.

– Что теперь будет?.. – сокрушенно качал головой Карраско.

Стоявший рядом Галиндо оглянулся на разложенные подушечки с драгоценностями. Однако ничего не сказал. Петкова с трудом сохраняла спокойствие. Тургут Шекер держался в стороне, но не уходил. Очевидно, опыт прежней жизни подсказывал ему, что самое правильное в подобных обстоятельствах – не выходить из зала и не спешить к тому месту, где произошло убийство.

– Вы ведь частный эксперт, – напомнил Галиндо, обращаясь к Дронго, – может быть, вам лучше выйти и посмотреть.

– Вы считаете, что я могу оказать более действенную помощь, чем представители полиции? – уточнил Дронго.

– Вы один из лучших экспертов в мире, – вмешалась Петкова.

– Это только слухи, – пробормотал Дронго, – хотя я думаю, что мне действительно стоит пойти взглянуть, в чем там дело. Значит, вы отдали ему свои бриллианты, сеньор Карраско?

– Несколько крупных камней, – поднял голову ювелир, – а откуда вы знаете?

– Я слышал, как Рочберг разговаривал с Ямасаки, – пояснил Дронго. – Он говорил, что вы передали ему некоторые бриллианты. Кстати, я могу вас поздравить, он хвалил вашу работу, отметив великолепное качество огранки.

– Сейчас это не имеет значения, – выдохнул Карраско, – его все равно убили. И мои камни не были застрахованы.

– Но тогда выходит, что его убили из-за ваших камней, – сказала изумленная Петкова. – Возможно, убийца охотился именно за ними.

– Не знаю, – пожал плечами Карраско, – я даже не допускал мысли, что в таком отеле может оказаться убийца. Просто не представлял себе! Хотя Бернардо мне говорил... Я застраховал свою коллекцию. И даже «Мавританскую красавицу». Но мои камни... как это глупо получилось...

Дронго взглянул на Петкову.

– Пойдемте вместе, – неожиданно предложил он. – Надеюсь, вы не боитесь мертвецов?

Она закусил губу и покачала головой. Вместе они вышли из салона. У входа стояли шесть человек – охранники и полицейские.

– Кажется, Карраско охраняют, как самый драгоценный алмаз, – тихо сказал, указывая на них, Дронго.

– Он известный в Испании человек, убийца может решиться ограбить и его, – пояснила она.

– Никогда, – возразил Дронго, галантно пропуская женщину вперед. – Дело в том, что вся коллекция Карраско носит эксклюзивный характер и не может быть продана другому ювелиру, – пояснил он, – поэтому нормальный грабитель не будет трогать его украшений. Бриллианты, которые Карраско передал Рочбергу, – другое дело. Вот их можно продать, и за большие деньги.

– Именно поэтому американца и убили, – кивнула Петкова.

Они вошли в ресторан, разделявший внутренние дворы, и направились во второй внутренний дворик. Здесь у бассейна уже толпились люди, узнавшие об убийстве ювелира. У всех было подавленное, мрачное настроение. Дронго и его спутница быстро проследовали дальше. В коридоре также было много народу. Но к номеру погибшего никого не пускали стоявшие здесь полицейские.

– Прошу прощения, – по-английски обратился к одному из них Дронго, – я хотел бы пройти и поговорить с кем-нибудь из вашего руководства.

– Я не понимаю вас, сеньор, – ответил полицейский по-испански.

Дронго оглянулся на Петкову, словно прося у нее помощи.

– Он хочет пройти к вашему комиссару, – она заговорила на испанском, – этот господин самый известный частный эксперт. Он может помочь вам в расследовании. Возможно, вы слышали – его зовут Дронго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.